

Л.П. Черникова*

**Депортация из Китая русских эмигрантов
в послевоенные годы (1945–1946):
неизвестные архивные документы**

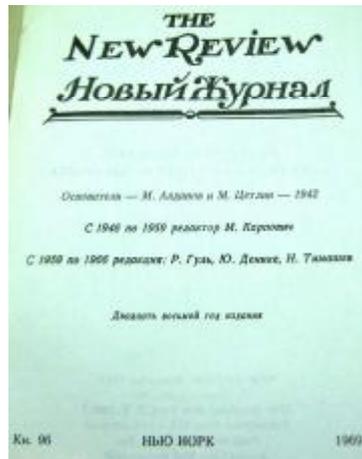
АННОТАЦИЯ: В статье приведены данные по действиям СМЕРШ и НКВД в Маньчжурии и других крупных центрах Китая в связи с арестами русских эмигрантов в период с 1945 по 1946 г., рассматривается их положение, обстоятельства арестов и списочный состав репатриированных. Причиной ареста могло быть сотрудничество с японцами, наличие в Китае недвижимости или активная общественная деятельность (были арестованы все главы общественных, религиозных, национальных объединений). Приводятся как документальные данные архивов РФ, так и воспоминания пострадавших при арестах или содержании. Репрессивная машина отказывала арестованным в возможности сообщить родным о своей участи и месте пребывания. Многие погибли в первые же месяцы после арестов, что видно при простом сравнении списочного состава пострадавших.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вторая мировая война, насильственная репатриация, СМЕРШ и НКВД в Маньчжурии, документы архивов.

История восточной репатриации до сих пор вызывает интерес исследователей и открывает им неизвестные страницы. В этой связи обращение к документам даёт нам картину, рассеивающую многие мифы, устойчиво курсирующие в эмигрантской литературе после Второй мировой войны (и много позже). Конечно, нельзя утверждать, что все «белые пятна» истории заполнены, однако некоторые факты и логика позволяют усомниться в правдивости некоторых устоявшихся представлений о событиях Второй мировой войны.

---

* Черникова Лариса Петровна, к.и.н., с.н.с., отдел Китая, Институт востоковедения РАН, г. Москва; E-mail: Larisa-che@mail.ru

Так, в «Новом журнале» за 1969 год были опубликованы воспоминания И.С. Ильина, одного из эмигрантов восточной волны, в которых описывались ужасы советского присутствия в Китае в августе–сентябре 1945 г. [5, с. 130–152]. В частности, автор вспоминал, что число внезапно схваченных советской контрразведкой эмигрантов в то время определялось примерно в 5 тыс. человек.

Однако поначалу всё было вполне мирно. В отеле «Ямато» в Харбине 15 августа появились советские офицеры. «Настроение у большинства русского населения Харбина, — пишет Ильин И.С., — как и вообще Маньчжурии, было очень патриотическое, а тут вдруг лицом к лицу стояли перед советскими офицерами... посыпались вопросы: как воевали? Что делается в СССР? Лейтенант принялся рассказывать о жизни в Советском Союзе, о том, как теперь, после войны, начинают восстанавливать разрушения, как немцы зверствовали и какой вред принесли русскому народу...» [5, с. 136]. Позднее у входа в Генконсульство (куда харбинцы пришли подавать заявления на репатриацию) стоял старшина и говорил о том, что «теперь Маньчжурия свободная страна, и мы её передадим китайцам. Все русские, кто хочет, могут свободно тут жить или вернуться на родину. Дорога [КВЖД. — Л.Ч.] будет управляться совместно советскими и китайцами. Советская власть никого не преследует и даёт всем право на работу, все могут свободно жить. Кто был против нас и работал с нашими врагами, те будут преданы суду трибунала...» [5, с. 139–140].

Между тем жизнь становилась всё тревожнее. Начались грабежи (в основном японских предприятий и магазинов) и чуть позже — аресты. «Стали работать несколько разведок. Наравне с НКВД работал СМЕРШ, прозванный сейчас же „СМЕРТЬ“, затем разведка

морская и ещё какие-то. Целая группа молодых инженеров и других энтузиастов отправились в „Ямато“ отель, где расположился штаб, поздравить с приходом. Ни один из них не вернулся и мы их больше не видели — все были забраны» [5, с. 140].

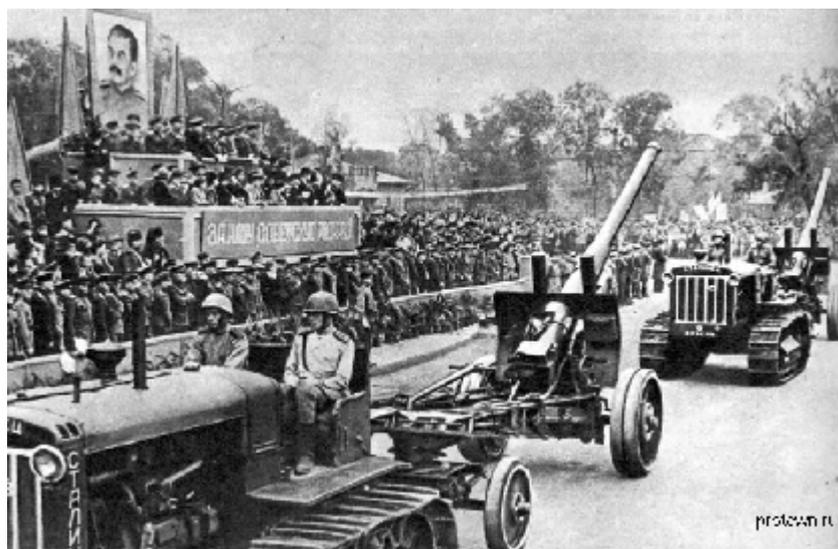
Некоторых арестованных допрашивали — что делал, чем занимался, на что жил, затем отпускали. «Вообще причин объяснимых для ареста не существовало. Приходили в дом и забирали, останавливали на улице и уводили. Некоторых, казалось бы, антисоветских [т.е. участников гражданской войны. — Л.Ч.], выпускали, а других совершенно ни в чём не повинных увозили. Разумеется, Матковский, Ухтомский, Шаныгин, Родзаевский и др. [члены Бюро эмигрантов и фашистской партии] были арестованы в первые же дни» [5, с. 148]. Бюро по делам российских эмигрантов теперь было переименовано в Общество советских граждан. Отдел регистрации теперь ежедневно посещали два офицера НКВД и просматривали карточки, записывая себе в блокноты фамилии и имена. Их прозвали «рыболовами».

Советская Армия в Харбине

Позднее Ольга Бакич (внучка колчаковского офицера, ген.-лейт. Бакича А.С.) [4, с. 42–43] в своих воспоминаниях [3, с. 38] считала, что число арестованных варьируется в пределах 5–10 тыс. чел. В 1945 г. ей было 7 лет. «Когда Красная армия, — пишет она, — полностью овладела Харбином 18–20 августа, многие русские харбинцы приветствовали войска, и архиепископ Нестор, бывший почётный

член Русской фашистской партии, отслужил государственный молебен в честь Красной армии в кафедральном соборе в присутствии командования Красной армии, советских военных и множества жителей Харбина... Эйфория была недолгой. СМЕРШ пришёл в северо-восточный Китай вместе с войсками и сразу же начал аресты среди русских в Харбине и других городах и посёлках Маньчжоу-дого. 19 августа 1945 г., в воскресенье, командование Красной Армии пригласило представителей российской диаспоры на встречу для создания Общественного Комитета для наведения мира и порядка и распределения продовольствия... Руководству комитета сказали составить список 250 лидеров различных организаций и активистов из числа русских, которые будут приглашены на лекции и фильмы в честь празднования победы. В действительности списки были не нужны. СМЕРШ, уже имевший имена и адреса от своих агентов, захватил весь архив Бюро (русских эмигрантов. — Л.Ч.). К тому же множество людей активно доносили на своих личных врагов и сводили счёты с кем могли...» [3, с. 39].

Советские войска в Харбине

Далее, по свидетельству О. Бакич, 21 и 25 августа 1945 г. приглашённые на встречу с советским командованием лидеры и активисты всех общественных, культурных и образовательных организаций (не только русских, но и разных национальных общин Харбина), а также

представители культуры и артисты для празднования победы — все были арестованы и помещены в здание японского генерального консульства, находившегося напротив гостиницы «Ямато» и ставшего в то время штабом СМЕРША [3, с. 38]. Далее она пишет: «Широкая сеть арестов охватила общественных и культурных деятелей, писателей, поэтов и множество обыкновенных, не представляющих особого значения людей, в том числе и работавших у японцев преподавателями русского языка, конторскими служащими, уборщицами и т.п., и тех, чьи фамилии вызывали подозрения. Все они содержались в подвалах бывшей японской жандармерии, в старых камерах и бараках, а затем их перемещали в вагоны для перевозки скота и отправляли, преимущественно ночью, в Советский Союз. Число так называемых „белобандитов“, арестованных и увезённых из бывшего Маньчжоу-диго, достигало от **15 000 до 17 300 человек**, а по некоторым источникам **20 000**. В 1946 году после суда в Москве атаман Семёнов был повешен, а руководители Бюро генералы Власьевский, Бакшеев, Шепунов, Михайлов и лидер фашистов Родзаевский расстреляны. Некоторые из „забранных“, как называли их русские харбинцы, были также расстреляны, но большинство закончили жизнь в ужасных условиях советских лагерей. Лишь немногие смогли избежать ареста...» [3, с. 39–40].

Аресты продолжались всю осень и зиму 1945–1946 годов. «Большинство из них были безосновательными, незаконными и преступными, — пишет О. Бакич. — Многие русские харбинцы родились и выросли в Китае, никогда не были в России или в СССР и никогда не были советскими гражданами, и были арестованы на территории другого государства во время советской оккупации. Большинство были абсолютно невиновны. Их вина состояла лишь в том, что они жили за пределами страны. У многих моих друзей и одноклассников не было отцов: они исчезли без следа в СССР... Мой отец был весьма аполитичным человеком, но будучи сыном генерала Белой армии был немедленно арестован в Чанчуне». Лишь благодаря тому, что он был инженером и архитектором, он не пострадал и вынужден был служить в строительном батальоне Красной Армии, который проектировал и строил монументальные памятники советским солдатам в Харбине, Чанчуне, Мукдене и других городах. Семье разрешили остаться в Харбине с бабушкой... К моменту, когда все памятники были возведены, — вспоминает Ольга Бакич, — Красная армия уже покинула Северо-Восточный Китай, и отец уцелел.

Харбинцы считали фашизм общественным национальным движением

«Красная армия оккупировала Северо-Восточный Китай с августа 1945 по конец апреля 1946 года. Множество солдат было перевезено на Дальневосточный фронт после победы над нацистской Германией, и многие из них верили в тот момент, что война уже окончилась, и они вернутся домой. Мы были для них белобандитами. Некоторые в пьяном виде нападали на жителей и грабили их, насиловали русских, китайских и оставшихся японских женщин. Скоро в Харбине появились матери-одиночки и дети без отцов. Это было время большого страха и абсолютной беспомощности для нас, харбинцев. Сперва были японцы, которые контролировали и терроризировали нас; затем мы тепло принимали войска со своей родины, которые отнеслись к нам, как к врагам, предателям и объекту уничтожения. Очень многие харбинцы были столь травмированы этими событиями, что даже сегодня, спустя 60 лет, отказываются говорить об этом и советуют забыть то, что произошло, или настойчиво предостерегают о том, как опасно заниматься изучением этого периода...» [3, с. 38].

Справка о советском гражданстве

Ильин в конце своих воспоминаний пишет: «Больше 8 месяцев мы жили под советской властью и фактически оказались почти в Советском Союзе. Так или иначе, нам, эмигрантам, в Маньчжурии и Харбине, приходилось иметь дело с советскими и работать и быть в постоянном общении. Была главная черта в характере почти всех советских людей — это полное отсутствие чувства закона, права и уважения к личности. Революция подчеркнула и заострила эти черты. Наш философ Бердяев очень определённо писал об этом. То, что у англичан в натуре — закон и право, уважение к личности и свобода, у советских отсутствует полностью...» [5, с. 152].

Ещё позже в свидетельствах эмигрантов из США встречалась цифра депортированных в 20 и даже в 50 тыс. чел. «Харбину пришлось пережить японскую оккупацию с 1932 до 1945 года, — писал Моравский Н.В. — Многие образованные и обеспеченные люди предпочли бежать вглубь Китая, в Шанхай или Пекин, где их ожидал новый, куда более дальний исход. Затем Харбин пережил **советскую оккупацию** 1945 года, окончательный и полный переход власти в руки китайских коммунистов в 1950-х годах.

И всё же последний предел истории русского Харбина был положен приходом советских войск в 1945 году. **15 000** человек были насильно вывезены в СССР, где большинство из них ожидала смерть в лагерях или под расстрелом. Десятки тысяч семей оказались разорены. Многие умирали в нищете, а остальным предстоял дальний путь — прочь из Китая. В эти годы одна большая группа

русских харбинцев репатриировалась в СССР, а другая эмигрировала в Австралию» [6].

Харбин — вокзал

А ведь ещё не так давно, в 1935 г., совконсул в г. Харбине сообщал об ужасах японского режима по отношению к согражданам в Маньчжурии: «... В последнее время японо-маньчжурские полицейские власти, японская жандармерия при активном участии находящихся у них на службе белогвардейцев усиливают незаконные преследования проживающих в Маньчжурии советских граждан. Полицейские и жандармы без всяких поводов снова обходят квартиры советских граждан, подвергая последних длительным допросам и шантажу, угрожая арестами, избиениями и вымогая у них взятки... Октябрь 1935 г.» [2].

Однако ситуация поменялась, и даже консульские работники не имели никакой власти над советскими военными в Маньчжурии.

В документах АВПР автору удалось отыскать два больших многостраничных документа, где перечислялись списки депортированных в 1945–1946 гг., они ограничиваются числом почти в 1,7 тыс. чел. (по списку СМЕРШ 1676 чел.). Именно такое число неблагонадежных подозрительных граждан насчитали службы СМЕРШ, военной контрразведки и НКВД в обозначенное время, и нет более никаких документов, подтверждающих или опровергающих перечисленные выше цифры [1].

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ СТ. АНЬДА

Бессарабова А. Ф.	Морозовича П. Н.	Николаев Е. Ф.
Бодров А. С.	Назов В. Г.	Острофрейчук К. Н.
Бородин А. М.	Павлов Р. Е.	Трухан М. Г.
Бураков А. М.	Паслянок В. Д.	Товаров Е. М.
Голобородько И. П.	Савельев А. С.	Ухов А. А.
Голд С. К.	Самойлова И. М.	Чесноков П. Н.
Гольдберг А. Ф.	Слуцкий М. Г.	Чернышев А. Р.
Донгук А. В.	Трухан К. Г.	Курочкин Ф. М.
Донгук Ар. В.	Шогушко Н. М.	Гибелько А. А.
Дубалова М. Я.	Алтер Т. А.	Павлов Г. М.
Жуков Л. С.	Борисова М. Г.	Удальцов Е. И.
Кисель Н. Н.	Воропан А. М.	Чегодаев Р. К.
Красинко В. А.	О. Юли Гундер	Козыри А. А.
Криков П. Н.	Густав П. П.	Гребенникова А. И.
Курочкин А. А.	Дворец А. Э.	Зубарева А. А.
Кычкин А. П.	Каримов К. В.	Смирнов П. М.
Лаврушин Н. И.	Кравковский Ф. Ф.	Медведев С. П.
Малышев М. Л.	Кузнецов Н. Д.	Чернышев М. Г.
Меньшик П. И.	Луханин О. А.	
Мельниченко И. Э.	Мисуров Е. П.	

Списки эмигрантов ст. Аньда

Послевоенная репатриация в СССР была обязательна только для советских граждан и участников военных преступлений. Передо мной два больших документа, местами совпадающих, но трудно поддающихся сравнению из-за разночтений и неточностей, — списки всех депортированных в СССР в течение второй половины 1945 и начала следующего года (советские войска покинули Китай в апреле 1946 г.) [1].

Сами документы — «переписка о русских эмигрантах, вывезенных из Маньчжурии в 1945–1946 гг. органами Советской Армии», но переписка уже датирована 1948–1949 гг. Дело в том, что родные и близкие депортированных не могли репатриироваться в СССР (по крайней мере, так объясняли они свои требования) из-за отсутствия сведений о местонахождении близких, боясь, что по возвращении в СССР они не смогут более переписываться с ними из-за отсутствия адресов. Этот весомый аргумент был принят во внимание работниками консульства в Харбине и других консульств в Маньчжурии для запросов в органы власти и военных ведомств по существу вопроса (местонахождение депортированных и их дальнейшая судьба).

За победу над Японией

Так, 10 января 1949 г. Генконсульство СССР в Харбине направляет в Консульское Управление МИД СССР письмо следующего содержания: «В 1945 г. при оккупации Маньчжурии советской армией из Харбина и других пунктов было вывезено в СССР значительное количество разного антисоветского элемента из числа бывшей бело-эмигрантской колонии. Большинство родственников этого элемента в дальнейшем было восстановлено в советском гражданстве. Ныне эти родственники постоянно обращаются в Генконсульство с просьбами сообщить им местонахождение членов их семей, увезённых в СССР, о разрешении восстановить с ними почтовую переписку и, наконец, дать возможность выехать к ним в Союз. Просим разъяснения по делу, учитывая, что обращения носят массовый характер. Приложение: список вывезенных из Маньчжурии лиц. Управляющий Генконсульством СССР в Харбине Калинин» [1].

Арестованный Добровольский С.Ц., 1881 г.р.

1 марта 1949 г. Начальник консульского управления МИД СССР А. Власов направляет эти списки в некое военное ведомство с соответствующим сопроводительным письмом [1, л. 9].

Заведённые на арестованных дела

К сожалению, из-за несовпадения списков автору пришлось очень длительное время их сверять, сделав своеобразный «сводный список», объединив их по следующим данным:

- ФИО
- Год рождения
- Место рождения
- Место службы на момент ареста
- Дата ареста
- Примечание (какой орган производил арест).

Основной пик задержаний и арестов пришёлся на первые дни сентября и октябрь 1945 г. Обратив внимание на то, что некоторые фамилии из списка № 1 не совпадают со списком № 2, мы пришли к выводу, что часть узников просто погибла за период с ареста до составления списка № 2. Список № 1 — это направленный Генконсульством лист с почти 2 тыс. фамилий, а Список № 2 — это многостраничные списки органов НКВД и подконтрольных им закрытых заведений, собственно, сводный перечень тех осуждённых, кто находился на период 1949 г. в местах заключения в советских лагерях. Основные

потери понесли арестованные с датами рождения 1888 г. и позже, фактически арест и депортация стали для них равносильны смертному приговору из-за возраста и условий содержания, хотя из более молодых также, вероятно, пострадало немало.

Проблему также вызвал вопрос происхождения большинства арестованных. Подавляющее большинство по местам рождения — это выходцы из российского Дальнего Востока и Сибири, а также родившиеся непосредственно в Китае (т.е. те, кто никогда не был в России). Относительно небольшой процент насчитывают те, кто родился в европейской части России. Из выходцев «западной» части Российской империи немало родившихся на Урале и Кавказе.

Наибольший интерес вызвал вопрос причины ареста (все арестованные в сопроводительных записках интерпретированы органами как «белый» вредный и опасный элемент).

Принадлежность к службе и сотрудничеству с японцами — наиболее тяжкое преступление, к этой группе можно отнести примерно 1/10 всех арестованных. Характер службы в японской военной миссии (ЯВМ) независимо от занимаемой должности — художником, сторожем или журналистом газеты, либо на курсах Кио-ва-кай преподавателем японского языка и т.д., — значения не имел. Сюда же были зачислены все служившие в японских охранных отрядах на многочисленных станциях КВЖД или ЮМЖД, а также все окончившие курсы при ЯВМ (всё молодое поколение призывного возраста обязывалось японскими властями к этой повинности). Были в этом числе и те, кто служил в отрядах АСАНО¹ [3]. Были арестованы все русские переводчики с японского языка.

За сотрудничество с японцами пострадали и предприниматели, чьи конторы или предприятия были вынуждены функционировать в условиях японской оккупации. Таких тоже было немало. Иногда коммерсанта арестовывали за то, что его предприятие работало поставщиком

---

¹ АСАНО — воинское подразделение, организованное японцами поначалу как охранный, впоследствии как пехотные, кавалерийские (или скородвижущиеся пехотные) отряды для подрывной деятельности против СССР, включая подразделения пропагандистов-антисоветчиков. В 1941 г. и позже отряды были сориентированы для участия в будущей войне, включая школы разведчиков. Однако с приходом советской армии в Маньчжурию отряд АСАНО обезоружил железнодорожную охрану и стал охранять склады (см.: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, изд-во ДВГУ, 2002. 360 с. С. 24–25). Однако последнее обстоятельство ничуть не помешало СМЕРШовцам арестовать патриотически настроенную молодёжь и депортировать её за пособничество японцам.

японской лесной концессии «Кондо» (было основано в нач. XX века в Маньчжурии). Почти все работники лесной концессии и угольных копей также были арестованы. Но были и те, кто неявно сотрудничал с японцами. Так, известная на Дальнем Востоке фирма Берковича В.Б., уроженца Иркутска, имела своё собственное дело. В сопроводительной строке причины ареста записано: «Коммерсант, имел своё дело, приехал в 1930 г., в г. Харбин имел торговлю» [1, л. 13].

Служащих полиции всех мастей, в том числе служивших в горно-лесной охранной страже, десятников, надсмотрщиков, сторожей и т.д. — стремительно арестовали в первые же дни сентября 1945 г. Эту же участь разделили все сотрудники БРЭМ — Бюро русской эмиграции в Маньчжурии, обязанностью которых была выдача документов, паспортов, виз, регистрация и отчётность по передвижению русского эмигрантского населения в Маньчжурии.

Особую группу арестованных составили служащие Сибирского, Уральского и других казачьих войск, чаще всего по долгу памяти ещё числившихся в войске, но не могущих представлять опасность в силу преклонного возраста. Так, Председатель Сибирского казачьего войска полк. Березовский Е.П., арестованный 24 августа 1945 г. был самым старым из всех арестованных белоэмигрантов — 1869 г.р. [1, л. 12].

Из понятных (с точки зрения советской власти) преступлений — немалое число арестовано за переход границы в годы коллективизации и индустриализации. В подавляющем большинстве это выходцы из Приморья и российского Дальнего Востока. Основной поток «незаконников» пришёл на 1930–1933 гг. Значительную часть этих людей составили старообрядцы Приморья, массово переходившие границу, спасаясь от коллективизации 1930-х гг. Смершевцы забирали всех старост старообрядческих посёлков поголовно.

Далее арестов не избежали служащие различных управлений — шоссежных и железных дорог, телефонисты и телеграфисты как служащие с особыми стратегическими военными навыками. Так, в сопроводительной записи напротив фамилии телефониста было написано: «радиот-радиоприёмщик, подслушивал передачи»² [1, л. 12]. Одновременно арестовывались шофёры этих контор, даже уже уволившиеся из них несколько лет назад.

Особое внимание привлекали управления и конторы с японскими названиями, далее шли конторы с иностранными названиями. Так, служащих фирмы «Бринер» арестовали только за то, что предприятие носило непонятное наименование. Так, были арестованы

---

² Невозможно вести приём радиопередачи, при этом её не слушая.

служащие пушной конторы «Фегельбом» как не имеющие права продавать пушнину в Китае [9, л. 11].

Сложнее было придумать основание для арестов на линии железной дороги, поэтому долго не церемонились: служившие ранее на ст. «Эхо» и уехавшие на пасеку в дальние посёлки априори считались беглецами и потому уже подлежащими аресту по подозрению. Все пасечники были арестованы. Арестовывались также паровозные машинисты из депо или со станций КВЖД.

Особую группу составили те, кто занимался общественной благотворительной и иной деятельностью: это члены и председатели Украинского общества, клуба и кабаре, а также председатель Украинской молодёжи в Харбине (Богдан Ф.Г.) [1, л. 14]. Аресту подверглись также Председатель Тюрко-татарского общества, Грузинского общества и другие.

Были арестованы все директора и заведующие школ, училищ, институтов и иных учебных заведений (знали иностранные языки, имели царского времени образование), учителя и преподаватели.

14 марта 1949 г. замминистра иностранных дел СССР А. Громыко в письме на имя замминистра внутренних дел СССР Чернышова В. просит сообщить местонахождение арестованных, а также разрешить установить с ними почтовую переписку (список в 1306 чел.) [1, л. 64]. В ответ на это письмо органы МВД СССР ограничиваются отпиской: «Для установления местонахождения белоэмигрантов, вывезенных из Харбина в СССР, прошу указать в списке место рождения разыскиваемых лиц», — и возвращает список МИДу [1, л. 65]. Видимо, проходит ещё немало времени, которое потрачено на сбор новых данных. Главное — с января–апреля 1949 г. в органы МИД для пересылки в Консульство СССР г. Харбина начинают поступать списки осуждённых по разным статьям (по 20–30 чел.) с указанием мест заключения. Тем не менее, МВД СССР предупреждает поначалу, что родным эти адреса лучше бы не сообщать, т.к. речь идёт о заключённых по особым статьям. Однако дело сдвинулось, и значит, с задержкой в несколько месяцев родственники уже знали, куда можно написать письмо, где искать «дорогую пропажу». Оставалось ещё несколько лет ожидания (до 1949 г.), когда все эти сфабрикованные дела можно было бы пересматривать и добиваться освобождения.

Работа с этими документами продолжается, точные социологические данные ещё требуют своего анализа. Объяснить столь большие расхождения в цифрах можно двумя соображениями: 1) «у страха глаза велики», и преувеличение в эмигрантской среде было явлением нередким; 2) точных данных найти пока не удаётся, т.к. многие эмиг-

ранты заплатились жизнями за свои взгляды и ошибки, были расстреляны, и нигде это не зафиксировано.

Источники и литература

1. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 42. Пап. 289. Д. 35 (всего 162 л.).
2. АВП РФ. Ф. 0308. Оп. 1. Пап. 4. Д. 28. Л. 144. Сообщение ТАСС. Аресты и притеснения советских граждан в Маньчжурии.
3. *Бакич О.* Русская история // The New Review. Новый журнал. Кн. 219. Нью-Йорк, 2000.
4. *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куцков И.В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
5. *Ильин И.С.* Советская армия в Харбине // The New Review. Новый журнал. Кн. 96. Нью-Йорк, 1969.
6. *Моравский Н.В.* Остров Тубабао, 1949–1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М., 2000. URL: <http://eps.dvo.ru/g-journals/rap/2004/3/txt/rap-094-101.txt>

L.P. Chernikova*

Forced repatriation of Russian emigrants from China in the postwar years (1945–1947): unknown archive documents

ABSTRACT: The article reveals the exact data on the actions of SMERSH and the NKVD in Manchuria and other major centers of China in connection with the arrests of Russian emigrants in the period from 1945 to 1946. Their situation, the circumstances of arrest and the lists of repatriated are discussed. The reason for the arrest could be any kind of interaction with Japanese or conducting any kind of social activity (all heads of public, religious, national associations were arrested). The paper is based on documentary evidence from archives of the Russian Federation, and the memories of the victims of the arrests. Repressive machine denied detainees the opportunity to inform relatives about their fate and place of detainment. Many died in the first months after the arrests, as can be seen by comparing the lists of the victims.

KEYWORDS: World War II, forced repatriation, SMERSH, NKVD, Manchuria, archives.

* Chernikova Larisa Petrovna, Ph.D. (History), senior research fellow, China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: Larisa-che@mail.ru